

ЗВЕЗДОПАДЫ

1

Где птиц настигает небесная твердь,
По узкой панели
Ходили в обнимку цыганка и смерть
И в бубен звенели.

Цыганский зрачок разгорался хитро
Сквозь влажную щёлку,
А смерть проверяла на зуб серебро,
Совала за щёку.

Цыганка божилась, повыпытывав сны,
Душой и утробой,
Да только гадалкины речи темны,
Проверь их, попробуй!

Да только у смерти дыряв её рот,
И кто тут виною!..
И часто под осень крестился народ
На небо ночное.

2

Мы проснулись на бледной заре
На весёлом своём пустыре.

Белы лица – с зарёй заодно,
Только платье некстати красно;

Только красен помятый наряд –
Память рыночных арлекинад.

Полистай травяную псалтирь,
Бесконечный, как небо, пустырь;

Ведь и мы бы на остром краю
Среди звёзд опознали свою,

Чья прохлада – как тайна, как мох,
А жива ли – то ведаёт Бог;

Да нашепчет ещё, на беду,
Каково просыпаться в саду...

Снова день посмеётся до слёз
Челобитной усердных колёс

И не вспомнит, покуда светло,
Как зарю зачеркнуло крыло,

Как ладонью коснулся чела
И тихонько сказал: «Умерла».

3

Где оконные стёкла ночами дрожат
В страхе,
Что сейчас запоют под алмазным резцом
Ветра;

Где в осколки разбит небосвод и летят
Звёзды
В пересохшее горло весны, словно горсть
Соли;

Где над теми, кто миру оставил лишь звук –
Имя,
Торопливо лягушки бормочут псалмы
В полночь, –

Польхают душу далече от врат
Рая,
Словно вор, уносил в обожжённых руках
Ангел.

4

И такой же, Господи, вкусный хлеб.
И такой же, Господи, острый нож.
Вот и всё. А прочее – гнев нелеп:
Прав, как медный колокол, медный грош.

Там, куда приду я, солжёт вода.
Медью зазвенит толчя-тепльнь...
Если оборвётся в ночи звезда,
Да не обратится твой хлеб в польнь.

5

Где маленькая Парка, закрасив седину,
Нанижет по порядку сумятицу дождей,
Отчалит наша барка на запад, в ту страну,
Где чудеса, как ливни, но чудо! – нет людей.

Уже не соблазняясь посулами чудес, –
Ведь нас уже не будет! – поверим просто так
Ушедшему однажды: ведь с облачных завес
Ещё, должно быть, капли спадают на верстак.

Планету миновали, а холм стоит вдали;
Не вянет скомороший венец на голове;
Ещё в зрачке трепещет, как плач вся земли,
Доподлинное чудо – дождинка на траве.

Те звёзды, что колют глаза,
 И те, что пронзают сердца,
 Предвечны: сплетает лоза
 Корзину, а зубья венца –
 Терновник, – недвижны; а ты,
 Летящею ранен звездой,
 Тоскливый соблазн высоты
 Погасишь подземной водой...

На младенческих лугах
 Среди звёзд полураскрытых,
 В лопотаньи дождевом,
 Как в серебряных берегах,
 Воды смиренные в корытах
 Тихо помнят о живом.

Затевай, дитя, игру
 Среди певчих вод отвесных
 С мирозданьем заводным...
 Знай, как вечное «умру»:
 Горечь падалиц небесных
 Не сравнить ни с чем земным.

Рассеяны по стойлам ревущие стада,
 И полночью холодной
 Прибилась к Вифлеему заблудшая звезда,
 Чтоб зваться путеводной.

И пастырь, поклонившись, уже стада пасёт
 Злачёной серединой,
 Затем, что гневный ангел все звёзды отрясёт,
 Все звёзды до единой.

Лоб во сне под ангеловой дланью,
 Потому, наверное, всегда
 Успеваешь выкричать желанье,
 Видя, как с небес скользит звезда;

И о чём в ночи кричишь так страстно,
 Никогда не вспомнить поутру...
 Может быть, вот так: блаженно, ясно,
 Всевознаграждённой – умру.

Чьей-то жизни последняя денежка
 В бездну – росчерком: помяни!
 И, закинув голову, девушка –
 Над бездонностью западни.

Рук сцепление в замок – над ключом.
 (Вечный сполох косы за плечом).
 И смешок охлаждающий – в росе.
 (Вечный выблеск монеты в косе).
 Звезда полушка покатится варуг...
 (Пересмешница Вечности: круг).
 Смех надменной вселенской тоски,
 Рвущий Вечность, как сердце: в куски.

БРОСАЯ КАМЕШКИ

1

Я искала след ожога на поверхности земли:
 Там, обманывая Бога, мы костёр ночами жгли.
 Буйны травы укрывают место рая в шалаше:
 Знамо, раны заживают на земле, как на душе.

2

Прогремела Божья колесница –
 Затянулась тиною криница.
 Гляделась в тебя беззаконная пара –
 За это тебе и небесная кара:
 Тебе не струить приворотной отравы,
 Чтоб тут не плескались девичьи оравы;
 Не сбивать с пути на раздорожье
 Да не красть в потёмках звезды Божьи,
 Не припрятывать!

3

– Ты кто?.. –
 Бесцельны и пугливы,
 Ручонки ловят прядку ивы:
 Нашли – вцепились больно-больно...
 Да варуг – высоко и привольно –
 Струя! – и сто пелён в зажимах.
 Такой водичей одержимых
 Кропить – и выйдет сто чудес.
 Покойна?
 – Успокоил бес...

4

Нечаянный ключ под откосом
 Струился – по старым следам...
 Сидели, внимали колёсам,
 Завидуя всем поездом.
 Потом оказалось – мы дети.
 А вёрсты, гремячая рать,
 Поладят с ручьями в дуэте,
 И фуги не переиграть...

Как в час отлива дно морское,
 Душа, — лицом в истёртый плаюш...
 В круг лампы поманив рукою,
 Наутро мне расскажет муж,
 Как ночью, ветреной и жалкой,
 В неверном свете фонаря,
 Стуча на перекрёстке палкой,
 Искала смерть поводыря.

Шли две девушки и пели.
 Месяц, брошенный в купели,
 Остывал, синел и плакал,
 И растаял наконец.
 Две матроны взяли пяльцы,
 Осень дунула на пальцы,
 Схоронила мёртвый месяц,
 Припечатала свинец.

Две старухи со свечами
 Ходят, звякая ключами...
 На рассвете пьяный сторож
 Заглянул в открытый склеп;
 Осень плакала всё глуше,
 А луна считала души;
 И сидел продрогший ангел,
 И жевал подмокший хлеб.

По утрам усмирённая проза
 Протирала глаза, как витрины;
 В них гляделась небитая грёза,
 Презируя тряпьё и перины.
 Жизнь расхваливал бойкий лоточник,
 Жизнь бранила усталая кляча...
 Горе, горе открывшим источник!
 Ибо путь их долиною плача.

Любила безлюдье.
 К незванным прохожим
 Волну ревновала,
 Собор и картину,
 И книгу давала,
 Как крестик нательный.

Люблю круговерть
 И бесстрашие сборищ...